
АНАФОРА КАК КОМПОНЕНТ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ РЕЛЕВАНТНОСТИ ЖАНРА АВТОБИОГРАФИИ

Е.Б. Савельева

Кафедра методики преподавания иностранных языков
Факультет иностранных языков и переводоведения
Московский государственный областной гуманитарный институт
ул. Зеленая, 22, Орехово-Зуево, Россия, 142611

Статья посвящена анализу анафорического выражения прагматической релевантности текста жанра автобиографии. Материалом для изучения является проза французского писателя Андре Жида. На основании анафорических связей обосновывается отнесенность его произведений к жанру автобиографии.

Ключевые слова: анафора, анафорическое выражение, жанр автобиографии, прагматическая релевантность, персональный дискурс, текст.

Один их крупнейших специалистов в области исследования автобиографии французский писатель и критик Филипп Лёжён определил автобиографическое произведение как повествовательный текст (*récit*) с ретроспективной установкой, в котором реальная личность рассказывает о собственном бытии, акцентируя внимание на своей личной жизни, особенно на истории (*histoire*) становления своей личности [1. С. 14]. Данные характеристики очевиднее всего проявляются в персональном дискурсе, предполагающем возможность для говорящего «выступать как личность во всем богатстве своего внутреннего мира» [2. С. 6].

И так как «текст есть продукт, порожденный языковой личностью и адресованный языковой личности» [3. С. 23], то рассказ человека о собственной жизни, о тех или иных событиях, ставших значимыми для него и для его жизнедеятельности, становится средством выражения «личной сферы субъекта» [4. С. 6] и «не просто отражает особенности системы личностных смыслов, но и является средством изменения имеющейся смысловой системы, порождения новых смыслов» [5. С. 14] (1). Он стремится лично представить свой мир, выделяя наиболее значимые его фрагменты и придавая им особую субстанцию и форму в зависимости от своего собственного видения, которое приходит, формируется его умом, а также его ощущениями и чувствами [6. С. 663].

Но не следует забывать, что автобиографический роман — произведение художественной литературы, и автобиограф не свободен от вымысла и неправдивого представления своей жизни. И часто «вымысел обрастает такими “убедительными” подробностями, что становится похож на правду больше, чем иной реальный факт. Преображая, как и художник, действительность с помощью фантазии, автобиограф преследует иные цели: он не создает художественный мир, но пытается затмить низкие истины возвышающим обманом. Вот почему в автобиографиях очень трудно отделить легенду от исторического факта, вымысел от ошибки памяти» [7. С. 55].

Рассматривая автобиографическую прозу не только как словесную конструкцию, но и как социальный поступок, Ф. Лёжён обращает внимание на желание писателя, прежде всего, искренне понять и прочувствовать свою жизнь, обещая при этом говорить только правду и свидетельствовать о реальности. Тем самым пишущий невольно вмещивается в отношения между людьми [1. С. 14], прекрасно понимая вытекающие из этого последствия. Так, в своем автобиографическом романе «*Si le grain ne meurt*» Андре Жид пишет:

“Je sais de reste le tort que je fais en racontant ceci et ce qui va suivre; je pressens le parti qu'on en pourra tirer contre moi. Mais mon récit n'a raison d'être que véridique. Mettons que c'est par pénitence que je l'écris” [8. С. 10]. — «Я достаточно осознаю совершаемую мною ошибку, рассказывая об этом, и то, что за этим последует; я предчувствую свою участь, которая может быть убийственна для меня. Но мой рассказ имеет смысл, только если он правдив. Предположим, что я это пишу в наказание» (2).

Любой текст — это особая, определенным образом организованная разновидность речетворчества автора, и как система завершенных сообщений обладает определенной структурой, содержанием и характеризуется своими отличительными признаками. Основными текстоорганизующими характеристиками любого текста, в том числе и автобиографического, являются содержательная, смысловая целостность (когерентность), лексико-грамматическая связность (когезия) и линейность.

Взаимосвязь и взаимозависимость данных аспектов очевидна, так как связность, основной текстообразующий фактор, является условием цельности, хотя цельность не всегда определяется через связность [9. С. 23]. Обычно связность текста рассматривается как функционально-семантическая категория, которая охватывает содержательный, логический и композиционный аспекты речи и выражает связь элементов содержания и логику изложения посредством лексико-грамматических, морфологических и функционально-синтаксических средств [10. С. 123].

При изучении категорий целостности, связности и линейности текста как «особого дискурсивного универсума» [4. С. 7] была выявлена особая роль анафорических указаний на референциальные опоры текста для понимания сущности его характеристик, и анафора рассматривается как одно из важнейших средств, посредством которого реализуются на уровне текста текстосвязующая, текстоорганизующая и тексторазвивающая функции [11. С. 4], заключающиеся в том, чтобы связывать, скреплять, организовывать, фокализовать и управлять создаваемым текстом.

Австрийский лингвист Карл Бюлер отмечал, что удельный вес анафоры «как средства выражения синтаксических связей в обычных прозаических текстах» различен. Даже «у великих знатоков немецкого языка встречаются как на редкость анафорически бедные тексты (например, у Гёте и Ницше), так и очень насыщенные анафорами стихи и проза (у Шиллера) [12]. Показательно, что у одного и того же автора в одном и том же произведении наблюдаются необыкновенно сильные колебания в употреблении анафор» [13. С. 362].

В лингвистической литературе последних десятилетий наблюдается значительный интерес к исследованию явления анафоры на материале различных языков в работах как отечественных (Ю.Д. Апресян, Е.В. Падучева, Е.М. Вольф, Н.Д. Арутюнова, О.Ю. Богуславская, А.С. Нариньяни, В.Г. Гак, С.С. Дикарева, А.А. Кибрик и др.), так и зарубежных (Ч. Филлмор, Л. Блумфильд, К. Элих, У.О. Куайн, В.У. Дресслер, Б. Ричардс, Э. Сэг & Дж. Хэнкемер и др.) лингвистов. Взаимосвязь явлений референции и анафоры на материале французского языка изучали А. Беррандонер, К. Кербрат-Орекьюни, Ж. Клебер, Ф. Корниш, Ж.-М. Марандэн, Ж.-К. Мильнер, Л. Пикабия, А. Рёбуль, М. Шароль и др. Исследования, в которых рассматривается проблематика анафоры, весьма многочисленны, и в языкознании сложилось вполне определенное представление об этом явлении.

Пришедшее из греческого языка понятие «анафора» претерпело определенные изменения в своем значении и в настоящее время используется лингвистами неоднозначно. Анафора трактуется либо как совокупность текстовых средств отнесения элементов сообщения к ранее сказанному: местоимения, повторы, перифразы, придаточные предложения [14. С. 467], либо в узком понимании как связь между полнозначным словом и его заместителем, а в широком — как повтор или же связь на расстоянии [15. С. 1982].

Основой возникновения анафорической соотнесенности является уже реально существующий контекст, в котором возникают различные семантические процессы, ассоциативные связи, импликация, гиперонимия, гипонимия и т.п. Главным в содержании понятия «анафора» является признак повтора, то есть кореферентность наименований элементов в рамках обсуждаемой ситуации.

Для понимания природы анафоры следует учитывать тот факт, что автор, пытаясь дать более полную характеристику своим героям и выразить свою оценку тому, о чем он пишет, расширяет диапазон сведений об описываемом явлении, расширяя тем самым возможности варьирования номинаций одного и того же объекта. По определению А.С. Нариньяни, анафорой являются «фактически все средства повторной номинации, опирающиеся на форму и позицию в тексте предшествующего упоминания того же фрагмента содержания» [16. С. 89]. При этом в случае с анафорой речь идет не о повторе всего выражения в целом, а о сокращенном воспроизведении в тексте того, что, как правило, ранее было представлено в виде полного языкового выражения, тем самым подчеркивается прогрессивный характер анафоры, поскольку ее использование позволяет избежать избыточности [17]. Ср.: пример:

“Lucile Bucolin était très belle. Un petit portrait d’elle que j’ai gardé me la montre telle qu’elle était alors, l’air si jeune qu’on l’eût prise pour la soeur aînée de ses filles, assise de côté, dans cette pose qui lui était coutumière: la tête inclinée sur la main gauche au petit doigt mièvrément replié vers la lèvre” [18. С. 36]. — «Люсиль Бюколен была очень красива. На сохранившемся у меня маленьком портрете она изображена такой, какой была в ту пору, и лицо ее настолько юно, что ее можно принять за старшую сестру ее собственных дочерей, рядом с которыми она сидит в обычной своей позе: голова слегка опирается на левую руку, мизинец которой жеманно отогнут и касается губ» (2).

Если в данном отрывке вместо всех подчеркнутых местоимений употребить имя собственное *Lucile Bucolin*, то получится неприемлемый для французского языка текст. Более того, данное имя собственное будет восприниматься как имя, которое принадлежит разным людям, что явно не способствует целостности и непрерывности восприятия текста. Тогда как использование анафорических местоимений создает эффект лексико-грамматической и смысловой связности.

Таким образом, между элементами данного высказывания, а именно: именем собственным *Lucile Bucolin* и подчеркнутыми личными и притяжательным (*ses*) местоимениями — возникают анафорические отношения, характеризующиеся тем, что в содержании указанных местоимений содержится отсылка к имени собственному при отсутствии непосредственной синтаксической связи между ними. На этом основании анафора, по мнению А. Беррандонера, должна рассматриваться не только как синтаксическое явление субституции, возникающее между языковыми выражениями, а как более сложное семантико-прагматическое явление [19].

Анафора имеет двучленную структуру. Первый член анафорических отношений (*Lucile Bucolin*) является антецедентом или «смысловым источником» [20], который может быть выражен как словом, так и единицей более высокого уровня — словосочетанием, предложением, сверхфразовым единством [13; 21]. Второй член называется анафором, а слова и выражения, полностью раскрывающие свой смысл, будучи включенными, помимо синтаксических отношений, в процесс использования анафорических выражений (местоименных, именных и наречных), рассматривается как аспект более широкого явления — процесса конкретной референции. Содержательной основой установления анафорических отношений является субстанциональное тождество объектов, ситуаций, событий, фактов, то есть кореферентность или отношение между компонентами высказывания, которые обозначают один и тот же внеязыковой объект или ситуацию, имеют один и тот же референт (объект), который «может иметь разную степень определенности» [22. С. 238]. Данное тождество лежит в основе связности текста, при этом основное правило анафоры заключается в том, что наименование антецедента и анафорические слова исключают друг друга в одной и той же позиции.

Все анафорические выражения можно условно разделить на анафорические выражения кореферентности и анафорические выражения равнозначности [23. С. 45]. Основным признаком их отличия друг от друга является наличие или отсутствие кореферентности. Положив в основу своего исследования изучение механизмов отнесения анафорических выражений к референту, В.В. Голубева [24. С. 165—168] выделяет два типа анафоры: эксплицитную (или прямую) анафору и имплицитную (или косвенную) анафору. Различие между ними состоит в механизме отнесения анафора к референту. Эксплицитная анафора представлена моделью из двух элементов, второй из которых полностью или частично воспроизводит сказанное в первом, представляя отношение кореференции между ее элементами.

В зависимости от принадлежности субститута (репрезентанта) к той или иной части речи эксплицитные анафорические выражения подразделяются на три группы: местоименные, именные и наречные. При местоименной анафоре (*anaphore pronominale*) субститутутом имени (антецедента) является местоимение, выража-

ющее его грамматические значения. Для именной анафоры в широком смысле (*anaphore nominale au sens large*) свойственна замена имени тем же самым или другим именем. При наречной анафоре (*anaphore adverbiale*) анафорический элемент выражен наречиями *là, là-bas, alors, ainsi*, которые отсылают к антецеденту, представленному в контексте.

Имплицитная анафора характеризуется отсутствием прямой связи между элементами анафорического выражения, и отсылка к смысловому источнику происходит опосредованно, через пресуппозиции: с помощью отнесения к промежуточному звену, содержащему не вербализованную в тексте информацию, которая может быть задействована в данном контексте благодаря наличию общего культурного и интеллектуального фона, с помощью которого реципиент устанавливает связь между референтом и анафором. Различают три вида имплицитной анафоры: родовую анафору (*anaphore générique*), собирательную анафору (*anaphore collective*) и ассоциативную анафору (*anaphore associative*).

Данная классификация свидетельствует о разнообразии анафорических явлений (3) и представляется удобной для анализа функционирования анафоры и выявления анафорических отношений на материале разножанровых, прежде всего автобиографических, произведений Андре Жида.

Автобиографический текст — это описание того или иного автобиографического события, входящего в сложную систему субъективной картины жизненного пути личности писателя. Автор представляет то или иное событие как автобиографическое посредством создания Я-концепции, когда повествование осуществляется от первого лица и служит самопрезентации личности, выражает его личностное отношение к описываемой эпохе, ее основным тенденциям и проблемам. Он передает свое мироощущение и свое миропонимание того времени, о котором он пишет, создавая свое дискурсивное/текстовое пространство, свой «референциальный мир» автобиографического текста в соответствии со своими представлениями о личной сфере. Таким образом, в текстовом пространстве художественного автобиографического дискурса сливаются воедино личности автора и персонажа.

Представление самого себя — это не только факт самоидентификации, но и цепь самооценок. Объективизируя свои предметные знания, человек одновременно и интерпретирует мир, передавая свое лингвистически личное отношение [25. С. 75]. Таким образом, личное местоимение Я, используемое при автобиографическом представлении, «указывает на единственную личность и тем самым на уникальное мировосприятие» [26], оказывающее решающее влияние на описываемые события и их оценку. Е.П. Шумаева отмечает, что: «наиболее точным методом идентификации автобиографий служит способ проверки произведений на наличие в описании детских лет автора. Но описание детства недостаточно для приобщения произведения к жанру автобиографии. Важным является наличие неразрывной связи между периодом детства и последующей жизнью писателя. Автору необходимо акцентировать свое внимание на генезисе своей индивидуальности, начиная с детства и заканчивая периодом становления личности» [7. С. 53].

Данному условию полностью соответствует роман А. Жида «*Si le grain ne meurt*», который начинается:

“Je naquis le 22 novembre 1869. Mes parents occupaient alors, rue de Médicis, un appartement...” [8. С. 9]. — «Я родился 22 ноября 1869 года. Мои родители занимали тогда квартиру на улице Медичи...» (2).

Предисловие к роману, написанное Мартин Сагаер, начинается почти также:

“André Gide naît le 22 novembre 1869, au 19 de la rue de Médicis...” [8. С. 5]. — «Андре Жид родился 22 ноября 1869 года в доме № 19 на улице Медичи...» (2).

Уже этот факт указывает на идентичность автора, рассказчика и главного героя, так как дейктическое местоимение 1-го лица *Je* в авторском тексте и имя собственное *André Gide* в тексте предисловия относятся к одному и тому же человеку.

Таким образом, в романе под личным *Je* (*Я*) подразумевается *Я*-биографическое с характерным набором деталей жизни и особенностей личности автора. Биографическое *Я* находит свое отражение не только в сюжете произведения, но и непосредственно в языке. Без сомнения, здесь имеет место тождественность между автором произведения, рассказчиком и главным персонажем, то есть между именем на обложке, рассказчиком произведения и тем, о ком ведется рассказ. Субъективированная направленность автобиографической прозы А. Жида обеспечивается наличием местоимения 1-го лица *Je* (*Я*), которое имеет, прежде всего, дейктическую определенность. Оно соотносится в тексте как с ударной формой *moi*, так и приглагольными местоимениями в форме прямого и косвенного дополнения *me*, а также притяжательными прилагательными *mon* (*ma, mes*) и притяжательными местоимениями *le mien* (*les miens, la mienne, les miennes*). Так, рассказывая о своем детстве, о своей семье, о своей жизни, А. Жид постоянно использует:

— притяжательное местоимение 1-го лица:

“Dans ma famille on a toujours tenu très serré les domestiques. Ma mère, qui se croyait volontiers une responsabilité morale sur ceux à qui elle s’intéressait, n’aurait souffert aucune intrigue qu’un hymen ne vînt consacrer” [8. С. 57];

“Marie, ma bonne, accompagnait mes promenades” [8. С. 51];

— прямое или косвенное дополнение 1-го лица:

“Ma mère qui voyait là une occasion de me faire prendre l’exercice, me permettait de me joindre à ces excursions domicales qui prenaient pour moi tout l’attrait d’une exploitation scientifique” [8. С. 33].

Данные местоимения обеспечивают в сознании читателя реализацию координатного указания на *Я*-автора-рассказчика-персонажа. Они приобретают функции репрезентантов [22. С.151], поскольку полностью раскрывают свой смысл, лишь будучи включенными в кореферентные отношения с *Я*-автора-рассказчика-персонажа, тем самым указывая референцию и устанавливая анафорическую связь с этим *Я*. Этот факт объясняется тем, что «местоимения ... образуют ... лексико-

семантический класс слов, единство которого обусловлено его принципиальной ролью в осуществлении референции: это слова, в значение которых входит либо отсылка к акту речи, либо указание на тип соотнесенности высказывания с действительностью» [27. С. 11]. Поэтому они могут принимать форму и анафорических и дейктических отсылок, в зависимости от условий их употребления. На это, в частности, указывает Д. Земур: “L’anaphore est un mécanisme référentiel intradiscursif: le terme à valeur anaphorique a le même référence qu’un élément de la chaîne du discours généralement situé en amont. Le deixis est un mécanisme référentiel extradiscursif: le terme à valeur déictique fait référence à un élément présent dans le contexte énonciatif” [28. С. 186].

Анализируя категории целостности, связности и линейности, исследователи используют понятие «референтной цепочки» (*chaîne de référence*) [29. С. 16] как последовательности языковых выражений, обозначающих в тексте один и тот же референт. Между этими выражениями в результате интерпретации устанавливается референциальная идентичность. Референтная цепочка может состоять также из выражений, отношения между которыми устанавливаются не на основе языкового тождества, но на основе предполагаемого знания, разделяемого говорящим и собеседником, в случае автобиографического текста — между автором-рассказчиком и читателем, то есть на основе различных пресуппозиций.

Иначе говоря, читатель, чтобы адекватно идентифицировать, например, референт именной группы с притяжательным прилагательным типа: *ma famille, ma grand-mère, ma mère, mon père, mon oncle, ma bonne, mes amis, mes promenades, etc.*, или местоимения *me, moi* в функции прямого или косвенного дополнения, должен опираться на определенный фонд своих знаний как когнитивного, так и дискурсивного характера об обладателе Я, то есть об антецеденте указанных притяжательных прилагательных и личных приглагольных и ударных местоимениях. Данные местоимения выступают в анафорической функции, указывая на контекстное Я как средство «развертывания и установления смысловых связей в тексте» [30. С. 6].

Наличие референциальных цепочек в текстах А. Жида, создающих эксплицитные и имплицитные анафорические связи, играют важную роль в выявлении автобиографических черт и в отнесении его произведений к жанру автобиографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Цит. по: Самарская Е.Г. Автобиографическое представление как репрезентант личности персонажа в художественном тексте: Дисс. ... канд. филол. наук. — Краснодар, 2008.
- (2) Вариант перевода на русский язык цитируется из: Жид А. Избранное / Пер. с фр.; Состав. и вступ. ст. В. Никитина. — М.: ТЕРРА, 1997; Жид А. Избранные произведения / Пер. с фр.; Сост., послесл. Л. Токарев. — М.: Панорама, 1993.
- (3) См. также: Гак 1986; Picabia 1990; Туваерт 1990.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Lejeune Ph.* L’autobiographie en France. — Paris: Colin, 1971.
- [2] *Карасик В.И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. — Волгоград: Перемена, 2000. — С. 5—20.

- [3] Тураева З.Я. Лингвистика текста. — М.: Просвещение, 1986.
- [4] Олейникова Н.А. Притяжательные детерминативы французского языка как средство выражения личной сферы субъекта говорящего: Дисс. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 2007.
- [5] Шлыкова Ю.Б. Переживание личностью смысла бытия и тип автобиографического текста: Дисс. ... канд. психол. наук. — Краснодар: РГБ, 2006.
- [6] Charaudeau P. Grammaire du Sens et de l'Expression. — Paris: Hachette, 1992.
- [7] Шумаева Е.П. Проблема определения границ автобиографического текста // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». — М.: Изд-во МГОУ, 2008. — № 2. — С. 52—55.
- [8] Gide A. Si le grain ne meurt. — Paris: Editions Gallimard, 1955.
- [9] Языкознание // Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — Изд. 2-е. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
- [10] Блюменау Д.И. Информационный анализ и синтез. — СПб.: Изд-во «Профессия», 2002.
- [11] Петрашук Н.Е. Форика как фактор текстообразования (на материале газетного текста современного немецкого языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Львов, 1987.
- [12] Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / Пер. с нем. — М.: Издательская группа «Прогресс», 2000.
- [13] Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
- [14] Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. VIII: Лингвистика текста. — М.: Прогресс, 1978. — С. 467—472.
- [15] Mitsou R. Recherches sur l'anaphore. — Paris, 1986.
- [16] Нариньяни А.С. Разработка и применение лингвистических процессов. Сборник научных трудов / Под ред. А.С. Нариньяни. — Новосибирск, 1983.
- [17] Cornish F. Anaphoric relations in English and French. A discourse Perspective. — Groom Helm. London. Sydney. Dover. New Hampshire, 1986.
- [18] Gide A. La Porte étroite, extraits sélectionnés par J. Mallion, H. Daudin. — Nancy: Bordas, 1972.
- [19] Berendonner A. Anaphore et connecteurs pragmatiques // La grammaire modulaire. — Paris, 1986.
- [20] Tesnière L. Elément de syntaxe structurale. — Paris: Klincksieck, 1959.
- [21] Колотилова Н.С. Редукция актантов как средство организации текста: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — М., 1983.
- [22] Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология: Учеб. для филол. фак. ун-тов, ин-тов и фак. иностр. яз. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Высшая школа, 1986.
- [23] Падучева Е.В. Анафорические связи и глубинная структура текста // Проблемы грамматического моделирования. — М.: Наука, 1973. — С. 96—107.
- [24] Голубева В.В. Типология анафорических отношений // Научные труды МПГУ. Серия «Гуманитарные науки». — М.: Прометей, 1998. — С. 165—168.
- [25] Pottier V. Semantique générale — Paris: Presses Universitaires de France, 1992.
- [26] Гребенюк О.С. Автобиография: философско-культурологический анализ: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. — Ростов н/Д, 2005.
- [27] Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. — Изд. 5-е, испр. — М.: Издательство ЛКИ, 2008.
- [28] Zemmour D. Initiation à la linguistique. — Paris: Ellipses Edition Marketing S.A., 2008.
- [29] Neveu F. Lexique des notions linguistiques. — Paris: Nathan /HER, 2000.
- [30] Шелякин М.А. Русские местоимения: значение, грамматические формы. — ТГУ, 1986.

ANAPHORA AS A COMPONENT OF PRAGMATIC CORRELATION OF GENRE OF AUTOBIOGRAPHY

E.B. Savelyeva

Department of foreign languages' teaching methodology
The Faculty of foreign languages and theory of translation
Moscow State Regional Institute of Humanities
Zelenaya str., 22, 142611 Orekhovo-Zuevo, Russia

The article is devoted to the analysis of anaphoric expression of pragmatic text correlation of genre of autobiography. The prose by French writer Andre Gide is chosen as a material for this research. The correlation of his works with the genre of autobiography is based on anaphoric links.

Key words: anaphora, anaphoric expression, genre of autobiography, pragmatic correlation, personal discourse, text.